Пройдя через такую закалку, взглянув вновь на сборники коротких тем, присланные советником Лю, он почувствовал, что все вопросы стали родными и понятными, а смыслы слов и текстов глубоко запечатлелись в сердце. И когда сам писал на такие составные темы, объединявшие несвязанные цитаты вроде «Разве человек может уступать птице? В "Ши цзине" сказано: велик и величествен царь Вэнь», он уже умел составить зачин, строго следующий смыслу канона: «Если человек уступает птице, сие воистину постыдно; а коли стыдишься этого, то нет ничего лучше, чем взять в учителя царя Вэня».

Когда миновали праздники Юаньдань и Праздник фонарей, наступило двадцатое число первого месяца. До суйши года цзя-чэнь оставалось меньше года и двух декад. Год гуй-мао был годом сянши, в этот год суйши и кэши не проводились, а господин Линь не собирался сдавать экзамен на цзюйжэня. Поэтому он намеревался заставить всех учеников своей школы безудержно повторить материал, надеясь взрастить хотя бы нескольких шэнъюаней.

С официальным началом занятий он вдвое увеличил ежедневную нагрузку для туншэнов. Затем он вызвал одного лишь Цуй Се к учительскому столу, просмотрел его праздничные задания и отдельно переписанные «Парные изречения из Четверокнижия» и с удовлетворением сказал:

— Раз ты сумел составить такую книгу, видно, что ты действительно до конца постиг труды святых мудрецов. Теперь ты неплохо освоил и «Ши цзин». Пора бы тебе сопоставить стихи точно так же, как ты сделал с «Четверокнижием», с тем лишь условием, что нельзя искать парные строки в пределах одного и того же стихотворения. Справишься?

Цуй Се покорно опустил руки и послушно ответил:

— Ученик приложит все силы.

Господин Линь улыбнулся и мягко произнес:

— Я знаю, что даю тебе больше заданий, чем другим, и усердная учеба изо дня в день утомляет тебя. Но учитель делает это ради твоего же будущего. В нашей частной школе больше десятка туншэнов. А во всем уезде — четырнадцать городских общин, двенадцать деревенских, да еще и три гражданских поселения, не говоря о детях военных поселенцев. Всего наберется не менее нескольких сотен туншэнов, в то время как уездное училище Цяньаня ежегодно принимает всего двадцать шэнъюаней. Твои познания изначально были слабы. Если не будешь учиться больше и глубже остальных, как ты сможешь превзойти всех соперников в уезде?

И то правда. Даже в Цяньане, где любовь к наукам не назовешь бурным процветанием, уровень прохождения был настолько низок. А второй молодой господин из семьи Цуй был приписан к Шуньтяньфу, где экзамены проходили еще жестче — неудивительно, что госпожа Сюй готова была пойти на убийство ради места в Гоцзыцзяни для своего сына.

Но ведь и сам Цуй Се прошел через горнило Гаокао, а поступить в университет из «Проекта 985» было не в пример сложнее! Разве мог он испугаться какого-то процента отсева? Покусывая губы, он улыбнулся, поднял глаза на учителя и твёрдо произнёс:

— Учитель, будьте спокойны. Сколько бы заданий вы ни прибавили, я со всем справлюсь. На следующем суйши ученик непременно сдаст экзамен.

Глядя на его сияющий, решительный взгляд, господин Линь словно увидел самого себя много лет назад — впервые ступившего на стезю кэцзюй и еще не знавшего страха. Сердце учителя трепетно отозвалось:

— Хорошо! На экзаменационном поприще как раз и нужна такая неудержимая отвага! Сегодня я обучу тебя правилам построения восьмичленное сочинения. Впредь ты будешь учиться писать полные статьи, и к твоим работам я уже не буду относиться снисходительнее, чем к прочим — я буду судить их по тем же строгим меркам, что и работы учеников, уже сдавших экзамен на туншэна.

Примечание автора: темы «Разве человек может уступать птице?» и «В "Ши цзине" сказано: велик и величествен царь Вэнь», а также сопутствующий зачин взяты из исследовательской работы Хоу Мэйчжэнь «Исследование коротких тем восьмичленных сочинений эпох Мин и Цин».

Отношение к Цуй Се как к личному ученику, конечно же, отличалось от остальных. Господин Линь, раздав задания другим школьникам, велел им заниматься самостоятельно, а самого Цуй Се увел во внутреннюю комнату с отапливаемым саном. Там он усадил его на край кана и стал давать индивидуальные уроки.

Учитель и ученик давным-давно пришли к молчаливому согласию: единственной целью учебы была успешная сдача экзамена на шэнъюаня. По этой причине Цуй Се обычно почти не уделял внимания поэзии. Требования к слаганию стихов и написанию сочинений кардинально различались: поэтическим строкам надлежало быть лаконичными и ясными, тогда как парные параллельные конструкции в статьях по канонам требовали извилистой, утонченной витиеватости. Чрезмерное увлечение поэзией эрудитов могло испортить слог и синтаксис экзаменационного сочинения.

Господин Линь взял его работу по разделу «перед темой» и произнес:

— Написанное тобой хорошо тем, что ты строго придерживаешься изречений мудрецов, а выбор слов повсеместно опирается на классические аллюзии — это величественный и праведный путь. Однако мне кажется, твоим фразам не хватает изящества и гибкости, ты берешь скорее мощью духа и ритма, словно подражая древней прозе эпох Тан и Сун. Но экзаменационное сочинение — это современный стиль, и писать его нужно для современных экзаменаторов. Если экзаменатору не по душе древняя проза, он сочтет твою словесность чересчур простой и грубой. Поэтому парные конструкции основного раздела из восьми элементов обязательно должны быть выверены до мелочей, изысканны и пышны, дабы сгладить впечатление от чрезмерной строгости начальной части.

Цуй Се внимательно все запомнил и честно признался:

— Когда ученик только прибыл в уезд, начальник уезда сказал, что современное сочинение берет начало в древней прозе, и повелел мне выучить наизусть «Собрание сочинений шести господ» господина Цзоу Янцзы. Должно быть, я вызубрил слишком много таких статей, вот и начал невольно подражать стилю древней прозы.

Господин Линь сдержанно поинтересовался:

— И сколько глав ты успел выучить?

Он опустил глаза и, глядя на белоснежный лист бумаги, ответил:

— Уже выучил все до единого.

«Собрание сочинений шести господ» насчитывало триста двадцати статей. Он начал учить их с конца високосного восьмого месяца: поначалу заучивал по три новых текста в день, в

последующие месяцы из-за высокой нагрузки снизил норму до двух, и закончил аккурат на зимних каникулах. Притом он не просто заучил их единожды, а закреплял материал по кривой забывания Эббингауза. Лишь в немногие дни из-за неотложных дел он делал перерыв в заучивании нового материала, но даже ночью, задув свечу, продолжал повторять старый. В самые загруженные дни ему приходилось повторять по два десятка статей в день, да и сейчас он продолжал ежедневноневно перечитывать по десятку с лишним прошлых текстов.

Порой, вспоминая это, он и сам не понимал, как смог выдержать такую нагрузку. Но он знал, что и впредь ему придется продолжать так же зубрить и учиться, ведь кэцзюй был самым широким… а по сути, и единственным открытым перед ним путем.

Господин Линь был заметно тронут и с вздохом восхищения проговорил:

— Я и не предполагал, что ты обладаешь подобной непреклонной волей. Учить древнюю прозу — вовсе не ошибка. Зачин и введение должны быть точными, сильными, подхватывающими суть всей статьи на одном дыхании, поэтому опираться на древних авторов весьма полезно. Однако при переходе к основным восьми парным строфам требуется идеальная гармония, стройность, отточенность слога и соблюдение рифмического ритма. У древней прозы свои достоинства, у современного сочинения — свои, не стоит возвеличивать одно в ущерб другому.

Благоговение Цуй Се перед восьмичленным сочинением было куда глубже, чем перед древней прозой. В конце концов, прозу он хоть как-то отрывочно учил еще со средней школы, а до этого изощренного стиля дожил за свои двадцать с лишним лет и все еще толком его не освоил. С чего бы ему умалять его достоинства? С исключительно правильным настроем он ответил:

— Ученик понял. Впредь я непременно уделю особое внимание шлифовке слога.

Господин Линь добавил:

— Но и перебарщивать со шлифовкой нельзя. Чрезмерная изнеженность и пышная изысканность — это тоже дурной тон.

«…Загнал в тупик с двух сторон?»

И так плохо, и сяк плохо — как же тогда писать? Написание экзаменационного сочинения до боли напоминало разработку коммерческого предложения для прихотливого заказчика: еще даже не начал писать, а на душе уже тоскливо!

Господин Линь вздохнул со знанием дела:

— На экзамене всё зависит от того, угодишь ли ты вкусам главного экзаменатора. Угадаешь — так хоть с закрытыми глазами пиши, всё равно зачислят. Не угадаешь — окажешься точно молодая невеста, попавшая в дом к черствому мужу и притомительной свекрови: и изящество не то, и солидность не та, и аллюзии не к месту, и без аллюзий плохо… Что ни сделай — всё невпопад.

На его обычно строгом лице промелькнула тень тоскливой обиды, словно он вспомнил какого-то экзаменатора, когда-то сурово обошедшегося с ним. Цуй Се не удержался и украдкой бросил на учителя пару взглядов. Господин Линь, смутно ощутив это, прикрылся чашкой чая и сдержанно продолжал:

— Начальник уезда так высоко ценит тебя, так что уездный экзамен для тебя не представит труда. А вот к окружному экзамену и экзамену провинции нужно будет получше изучить

статьи, что обычно пишут глава округа и чиновник по делам просвещения, чтобы подстроиться под их предпочтения.

При этих словах господина Линя Цуй Се вспомнил, что уездный начальник Ци тоже любил слагать статьи. Он даже говаривал уездному слуге, что как только начальник уезда выпустит сборник сочинений, сам обязательно купит экземпляр. Раз уж у него теперь есть своя книжная лавка и перед уездным экзаменом все равно нужно изучить стиль главного экзаменатора, почему бы не напечатать для начальника уезда Ци целый комплект книг?

В конце концов, даже «Сборник стихов сада Шэнь» разошелся тиражом более двухсот экземпляров. Путевые заметки господина Ци, если оформить их в легком, утонченном стиле, тоже должны неплохо продаваться.

Разве учёные мужи не стремятся к «трём бессмертиям»: явить добродетель, совершить подвиг и оставить сокровенное слово? Пусть Цуй Се не мог помочь начальнику уезда Ци в служебных заслугах, чтобы тот попал в Храм знаменитых чиновников Цяньаня, зато сумеет увековечить его труды. И когда в будущем станут составлять местную хронику, составители, глядишь, и поместят парочку его статей в раздел «Словесность».

Он ненадолго отвлекся на эти мысли, но быстро опомнился и уставился на господина Линя, боясь упустить хоть слово. К счастью, сам господин Линь тоже был увлечен воспоминаниями и затаенными обидами — то ли на какого-то давнего экзаменатора, то ли на саму систему кэцзюй, — и не заметил его рассеянности.

http://bllate.org/book/18372/1761287